

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Разработка серии и дизайн переплета *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Филитта Барбышева*

Под редакцией *О. Рубис*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Дезомбре, Дарья.

Д26 Тени старой квартиры : [роман] / Дарья Дезомбре. —
Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-112089-4

1959 год. В Ленинграде в коммуналке отравлена кем-то из обитателей квартиры старушка — божий одуванчик из «бывших». Тогда преступник так и не был найден. И вот столетия спустя Мария Каравай берется за расследование старого убийства.

Виолончелистка с мировым именем Ксения Аверинцева покупает квартиру с видом на канал Грибоедова. Узнав об этом, ее бабка умирает от сердечного приступа. По роковому совпадению она жила в той старой квартире и была подозреваемой по так и не раскрытому делу. Но Ксения не может поверить, что ее бабушка — убийца. Она просит Марию Каравай о помощи, и та соглашается. Постепенно разгадывая секреты жителей коммуналки, Маша с Ксенией приближаются к главной тайне, смертельно опасной и для ныне живущих. История, начавшаяся как любительское архивное расследование, превращается в остросюжетный триллер. Скрываясь в лабиринтах питерских дворов и на старых фортах близ Кронштадта от преследующего ее убийцы, Мария Каравай пытается по крупицам отыскать затерянную во времени информацию...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Фоминых Д.В., 2020**

© **Оформление.**

©©© **«Издательство «Эксмо», 2020**

ISBN 978-5-04-112089-4

Федоре

Все хваленое настоящее — лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или Наполеоновских войн. И, как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история — реальна.

Лев Гумилев

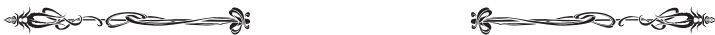
Было ли вправду все это? И, если да, на кой будоражить теперь этих бывших вещей покой, вспоминая подробности, подгоняя сосну к сосне, имитируя — часто удачно — тот свет во сне?

Иосиф Бродский

*Список обитателей коммуналки
в 1959—1960 годах:*

- Аверинцева Ирина, 22 года, химик, недавняя выпускница Технологического института.
- Хелемская Ксения Лазаревна, 70 лет, старушка из «бывших», до революции владелица квартиры, нынешней коммуналки. Научный редактор.
- Бенидзе, Лала Звиадовна, 33 года, портниха в ателье «Смерть мужьям» на Невском проспекте, и Заза Отарович, 37 лет, оперный певец Кировского театра. Их дочь: Тамара, 15 лет.
- Пироговы, Алексей Ермолаевич, 38 лет, мясник, Галина Егоровна, 35 лет, продавщица мясного магазина. Их дети: Валера, 7 лет, Леночка, 6 лет.
- Лоскудова Людмила Николаевна, 37 лет, «разведенка», вахтерша ТЭЦ, ее дети: Алексей, 16 лет, и Колька, 8 лет.
- Коняевы, Андрей Геннадьевич, врач, 45 лет, Вера Семеновна, учительница, 43 года. Внебрачный сын Андрея Геннадьевича Миша, 17 лет.
- Аршинины, Анатолий Сергеевич, 46 лет, проводник ж/д, Зина, 23 года, воспитательница детского сада. Их дочь Аллочка, 4 года.

НАЧАЛО

Нехорошая квартира.

За десять дней до описываемых событий

Говорят, когда вы понимаете, что вот именно сейчас, сию минуту, счастливы, значит, ваша молодость прошла. Ибо в молодости счастье так же естественно, как дыхание. Лишь потом мы начинаем ставить зарубки на память. Ксения как раз сделала такую зарубку: вот, уходя стремительно вниз, тонут в закатном солнце «в багрец и золото одетые» канадские леса. А вот то же солнце плещется в бокале шампанского, что держит перед ней улыбчивая стюардесса. В салоне бизнес-класса пахнет кожей и сложными, дорогими духами, рядом уткнулся в газету мужчина с модной щетиной. Впрочем, думает Ксюша, может быть, дело вовсе не в прошедшей молодости, а в том, что бокал шампанского — уже второй? Или еще такой вариант: это и правда — первое выпавшее ей счастье. Нет, не выпавшее даже, привалившее — валом, после молодости, утекшей сквозь пальцы, измученные виолончельными струнами, как пальцы пряжи — грубой нитью. Сгинула молодость, не оставив ничего, даже ярких воспоминаний. Ведь нельзя же считать достойными памяти те вяло переходящие в годы часы, что она провела в замкнутом пространстве в обнимку с инструментом?

Чтобы затем все произошло так быстро: и выигранный международный конкурс, и месье Менакер — благообразный, совсем седой, склонившийся над ее измученной невралгией кистью руки с поцелуем и омочивший ее теплой слезой. «Вы заставили меня плакать, мисс. Ах, как давно я уже не плакал, слушая виолончель, как же я вам благодарен!» И — вуаля! — на следующее утро она уже сидит, сама на себя не похожа — со слоем матирующей пудры на лице, прямые скучные волосы в свежей завивке — в канадской студии Иси Мюзик. Сидит и лепечет что-то про путь виолончелиста, кремнистую тропу. А рядом стоит царский подарок: одолженный Канадским национальным банком Страдивари, который теперь, когда она стала большим музыкантом, в ее полном распоряжении. И сейчас, в салоне бизнес-класса, баюкающего ее в воздушных потоках, ей кажется, что вот оно — счастье, эта нежная залитая закатным солнцем ладонь, несущая ее домой, в Питер. Ксения выдохнула, будто легкие грозили не справиться с такой радостью, и глотнула на вздохе шампанского.

— Первый раз в Канаде? — услышала она мужской голос и обернулась.

На нее с улыбкой смотрел сосед: двухдневная щетина, мятая футболка, серые спортивные штаны. Домашний вид. Она смущенно улыбнулась: он, наверное, и чувствует себя тут как дома. Вон, даже в тапки уже переобулся.

— Да. В первый. — Наверное, здесь принято знакомиться с соседями по шикарным креслам. Как было принято знакомиться в плацкартных вагонах поездов дальнего следования и рассказывать попутчикам всю свою жизнь. А может, просто состоятельные люди очень доброжелательны?

— Бизнес? Что-нибудь, связанное с ресторанами. Угадал? — мужчина улыбнулся еще шире.

— Почему с ресторанами? — удивилась Ксения.

— Вы просто с таким удовольствием пили шампанское. Будто в нем понимаете. Я вот — нет.

— Я тоже нет, — Ксения пожала плечами. — Просто такое хорошее пью тоже — в первый раз. — И добавила: — Я виолончелистка.

Как будто ее профессия сразу снимала вопросы о понимании в шампанском. Впрочем, так оно и было.

— Как интересно! — мужчина взглянул на нее сквозь взлетающие вверх пузырьки шампанского в бокале. — Вы — моя первая знакомая виолончелистка. Виталий, — он протянул ей руку.

Ксения неловко пожала ее между креслами:

— Ксения.

— А у меня банальная профессия, — он сделал внушительную паузу. — Тружусь на благо Отечества в Газпроме.

Ксения чуть дрогнула губами. Она могла бы сделать ответное признание: ах, он тоже первый ее знакомый газпромовец, но правда заключалась в том, что она никогда не стремилась знакомиться с мужчинами, каким-то образом связанными с полезными ископаемыми. Из всей вереницы «сырьевиков» ей гипотетически могли быть интересны только те, кто находился в начале этой пищевой цепи: геологи там или нефтяники. Но никак не этот ухоженный и довольный собой гражданин, с которым Ксении сразу стало скучно. Это в ней было от бабки — легкое пренебрежение к людям и не физического, и не интеллектуального труда. Так, дрейфующее офисное животное высшего звена. «Надо

выпить еще шампанского, — подумала Ксения. — Мне с ним еще лететь и лететь». Она откинула голову в кудрях, еще хранящих следы вчерашней телевизионной укладки, и слегка захлебнулась шампанским. В ответ Виталий похлопал ее по спине, потом вызвал стюардессу с дополнительным пледом и еще парой бокалов. И так постепенно (шампанского, еще шампанского!) и правда стал Ксении весьма симпатичен.

Утром, проснувшись перед самой посадкой в Пулково, она в некотором смущении обнаружила свою голову на плече у «Газпрома» и, поправив сбившийся плед, вспомнила, что рассказывала за ужином — утка в соусе хойсин, суп из запеченных помидоров, — что теперь очень богата. Месье Менакер, самый главный музыкальный филантроп североамериканского континента, не выдававший свою премию уже несколько лет подряд — такую тоску на него наводила игра конкурсантов, — передал весь накопившийся премиальный фонд ей, Ксении. А плюс к тому она теперь имеет право играть на гениальном инструменте цвета верескового меда — авторства Антонио Страдивари. Страд — как с ложным панибратством зовут эти уникальные струнные ее коллеги-музыканты. На нем играл еще виртуоз Бернард Гринхаус! — похвасталась «Газпрому» Ксения, подчищая соус хойсин корочкой пшеничной булки.

— Он один, наверное, миллионов на десять потянет, — посерьезнел «Газпром» лицом в легкой щетине (это вам уже не музыкальные ля-ля, это уже ля-моны) и скосил глаза на дальнее кресло, в котором по-царски путешествовал в своем дорожном футляре Страд — страховая компания оплачивала ему билеты в бизнес-классе. Сдавать такой ценности инструмент в багаж было строжайше запрещено. Ксения же легкомысленно отмахнулась пшеничной булочкой.

— Разве в этом дело?! — И она взялась разглагольствовать о тайне страдивариевской древесины: болтали, что Антонио использовал остатки Ноева ковчега, но глупости — просто ель и клен. Ель — ядровая. Янтарная смола подсушена за прошедшие триста лет, но она здесь, и ее хвойный аромат, высвобождаясь вместе со звуком, летит туда, куда только и могут достать острые еловые верхушки в альпийских предгорьях. Это для верхней, звонкой деки. Клен — для нижней, прочной. Звук — солидный, густой, как кленовый сироп, течет внутри виолончели, резонирует от тайных, невидных глазу изгибов... А поверху, над легкой смолой и тяжелой патокой, — слой волшебного лака (рецептура утеряна!), такого тугого и упругого, что он, как живой, затягивает на инструменте любую рану — всякую царапину, вмятинку, скол.

— А что вы хотите делать с премией? — перебил ее заскучавший на поэтических отступлениях «Газпром». — Вложите в ценные бумаги? Или в недвижимость?

Ксения замерла с бокалом в руке, почти нежно взглянула на соседа: ну, конечно! Она еще сама не успела подумать, что делать с внезапно свалившейся на нее бешеной суммой, но ведь, да-да, ей надо вложиться в недвижимость!

— Я куплю квартиру, — сказала она. — Я куплю большую квартиру с видом на воду.

* * *

В зале прилета она потерянной птичкой оглядывалась по сторонам. Снова вынула из кармана мобильный: эсэмэска, посланная во время пересадки во Франкфурте, дошла

до адресата. В сообщении она подтверждала: рейс не опаздывает, жди. Но никто ее не ждал, а набрав пару раз Петин номер, она наткнулась на равнодушный женский голос: аппарат абонента выключен. Ксения вздохнула. Ничего, не маленькая, сама доедет. Вяло поторговавшись с приставучим таксистом — в конце концов, она ему не туристка! — Ксения села в забрызганную грязью машину и откинулась на сиденье. Боже, ей еще пилить через весь город! И сама не заметила, как заснула.

А проснулась от вечного, посконного:

— Ну, твою же мать!

Ксения распахнула глаза. Выглянула в окно: такси пыталось пробраться из переулка на набережную канала Грибоедова, но и переулок, и набережная были под завязку забиты машинами.

— Зачем вы поехали через центр? — вздохнула она.

— Сейчас все стоит, — ворчливо возразил таксист.

Ксения без слов пожала плечами — может быть, он и прав. Сама она всю жизнь передвигалась на метро. Там в час пик было тоже тесновато, но путь от дома до консерватории занимал чуть больше получаса. А тут, за те пятнадцать минут, что она сонной совой пялилась в окно, не произошло ни-че-го. Лишь горели сквозь мельчайшую морось красные тормозные огни, да вился седой дымок из выхлопных труб. Тусклое питерское утро. Эстетика перенаселенного города.

От нечего делать Ксения стала рассматривать здание напротив: угловой дом через канал с кофейней на первом этаже. А выше — еще четыре, с большими окнами-эркерами. На последнем — с надписью «ПРОДАЖА» и номером те-

лефона — полукруглый балкончик, окаймленный изысканной железной вязью эпохи модерна. Как раз подходящего размера, чтобы выставить на него столик с двумя стульями и пить утром — кофе, а вечером — вино. Или, к примеру, в июне, когда на город опустится прохлада молочной белой ночи, сесть в обнимку со своим Страдом и играть для полуночных пьяниц, празднующихся туристов и бомжей с Сенной баховскую сюиту номер один. А вот куранту или прелюдию? — Ксения на секунду задумалась, вынимая из кармана мобильник, и набрала номер, указанный на плакате.

— Слушаю! — мужской голос был бодр. Неестественно бодр для такого пасмурного утра.

— Здравствуйте, — Ксения перехватила внезапно вспотевшими пальцами телефон. — Я звоню вам по поводу квартиры на канале Грибоедова.

— 180 квадратов, — отрапортовал голос. И добавил, чуть смущенно, стоимость. Ксения по привычке вздрогнула, но, поймав в зеркале любопытствующий взгляд таксиста, уверенно кивнула самой себе: все в порядке, спасибо месье Менакеру. Ей хватит.

— Когда я могу ее посмотреть?

— Да хоть сейчас, — риелтор стал весел и напорист. — Я только что проводил покупателей, собирался уезжать, но если вы недалеко...

— Я в пробке, совсем рядом. Только у меня чемодан...

— Ничего, — хохотнул риелтор. — Я спущусь и помогу.

Ксения быстро расплатилась с недовольным таксистом — дамочка сама не знает, куда едет, — и строго сказала себе: это будет первая из многих квартир, которые она

отсмотрит. Но пыталась она говорить с собой внушительно, по-взрослому: метраж подходит, место — идеальное для работы, на высоте не так шумно...

Риелтор — совсем молоденький мальчик, узенький, с носом-уточкой — уже придерживал дверь ногой. Протянув руку для чемодана, пропустил ее вперед. Ксения вошла, да так и застыла: тут все было иным, чем в ее панельной девятиэтажке на проспекте Большевиков. Лестница с пологими ступенями вела прямо к лифту, а затем, повернув влево, волнообразно его огибала. Взгляд, следуя за изгибом, утыкался в растительного орнамента лепнину высокого потолка. Тот же растительный узор, но уже в металле, украшал дверь лифта. Не без труда вставившись в него вместе с чемоданом и Страдом и несколько смутившись внезапной близости, они с лязгом («Лифт — антикварный», — пояснил, нервно хохотнув, риелтор) вознеслись вверх, на четвертый этаж.

Дверь квартиры была деревянной, выкрашенной облупившейся коричневой краской. Слева и справа, на высоте плеч, торчали проволочками наружу разнокалиберные звонки. Риелтор открыл дверь длинным ключом, вошел, протаскивая за собой чемодан. Ксения, обнимая Страда, шагнула следом. В квартире пахло свежей краской, но стены стояли в грязных оборванных обоях, а потолки — в трещинах и подтеках.

— Новые хозяева затеяли было ремонт, а потом передумали заморачиваться. Живут в Москве, в Питере квартиру купили так, ради прикола, — прокомментировал риелтор. А Ксения смотрела вверх: вокруг убогой лампочки Ильича по плафону шел все тот же мотив: переплетающиеся между собой листья и стебли. Речные кувшинки? Водяные лилии?

— Раньше во всем доме были коммуналки. Эту квартиру выкупили последней. — Ксения шла за ним из комнаты в комнату. Везде царило запустение неухоженного и нелюбимого последними обитателями жилья, но сквозь него, как стебли тех самых кувшинок сквозь толщу воды, пробивалась красота некогда «приличной» квартиры. В холле, заложённый кирпичом, царил камин из бордового с прожилками мрамора. Над каминной полкой танцевала заключённая в медальон алебастровая Терпсихора.

— Камин можно реанимировать, — прокомментировал риелтор. — Этаж последний, почистите дымоход — и вперед. В блокаду, говорят, его использовали.

— Кто говорит? — рассеянно спросила Ксения, выглядывая из того самого огромного окна, что привлекло ее внимание с улицы, — отсюда заваленный строительным мусором и небрежно скрученными, заляпанными краской листами полиэтилена балкончик выглядел не так презентабельно.

— Так жильцы бывшие! Пьяницы все как один, но уезжать отказывались. Вид им, видите ли, нравился, — парень хмыкнул, разом отказав всем пьяницам в чувстве прекрасного.

Ксения подняла взгляд от строительного мусора к куполам Исаакиевского и Казанского соборов. Первый — прямо по курсу, благородного потускневшего золота, окруженный темным, облетевшим к зиме Александровским садом. Второй — справа, в позеленевшей меди. Ниже морем вздымались ржавые железные скаты крыш... Она сможет видеть это каждый вечер, если купит квартиру, подумалось ей, искать свои городские ориентиры, выходить на минутку, что-